

3 Хазанава, К. Л. Риторические вопросы и восклицания в белорусских и украинских родильно-крестильных песнях / К. Л. Хазанава // Мова і культура. (Навуковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017. – Вип. 19. – Т. V (185). – С. 104–107.

4 Хазанава, К. Л. Вобразны паралелізм у фальклору Гомельшчыны / К. Л. Хазанава // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2017. – № 1 (100). Гуманитарные науки. – С. 123–127.

5 Хазанава, К. Л. Эматыўная прастора беларускага сямейна-абрадавага фальклору / К. Л. Хазанава // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 22 / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск: Права і эканоміка, 2017. – С. 401–407.

6 Радзінная паэзія / рэд. Г. І. Цітовіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1971. – 784 с.

7 Пахаванні. Памінкі. Галашэнні / рэд. кал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) і інш.; укладанне тэкстаў, уступ. артыкул і камент У. А. Васілевіча; артыкул, сістэматызацыя і камент. напеваў Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – 615 с.

8 Вяселле. Песні: у 6 кн. Кн. 2 / склад. Л. А. Малаш; муз. дадат. З. Я. Мажэйка; рэд. М. Я. Грынблат, А. С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 831 с.

9 Беларусы: у 5 т. Т. 5: Сям'я / В. К. Бандарчык, Г. М. Курыловіч, Т. І. Кухаронак і інш. – Мінск: Беларуская навука, 2001. – 375 с.

10 Фядосік, А. Беларуская народная творчасць: вяселле / А. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 320 с.

11 Беларускі фальклор у сучасных запісах: традыцыйныя жанры Гомельскай вобласці / уклад. В. А. Захарава і інш.; уклад. муз. часткі У. І. Раговіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1989. – 384 с.

УДК 811.161.1'373.612.2:115.4

П. С. Заветрикова

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «МОЕГО МИРА» (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена установлению пространственно-временных границ «моего мира» в контекстах Национального корпуса русского языка. Производится анализ специфики понятия «мой мир». Определяются равноуровневые средства выражения его хронотопных значений. Проводится параллель между внешним миром как глобальным бытием и внутренним миром как бытием частным.

Категории времени и пространства представляют собой фундаментальные онтологические структуры и неразрывно связаны с построением любой картины мира. Хронотопическая организация действительности обуславливает потребность ориентации личности в пространстве и во времени. По утверждению Новейшего философского словаря, определение пространственно-временных параметров бытия является «необходимым условием не только процесса постижения мира человеком, но и осознания последним самого себя» [1].

Языковая репрезентация категорий времени и пространства отражает представления говорящего о мире, причём как об окружающем, внешнем, так и о внутреннем. Совершенно закономерно то, что с развитием лингвистической науки язык перестал восприниматься исключительно как лексическая и грамматическая система, обслуживающая все социальные сферы; в современных исследованиях он зачастую осмысливается как среда, «в которой <...> разворачивается наша мыслительная и коммуникативная деятельность» [2, с. 6].

Цель настоящего исследования заключается в изучении пространственно-временных характеристик *моего мира*. Выбор предмета исследования предопределён интересом к закономерностям процессов индивидуального восприятия и взаимосвязи частных и общих понятий.

Так, глобальное понятие мира характеризует место протекания жизни *вообще*. Категории времени и пространства упорядочивают всеобщую «текущность» и являются маркерами бытия. Формирующееся в речи частное понятие *мой мир*, несмотря на наличие местоименного распространителя, оказывается, по всей видимости, куда более абстрактным. Возникает вопрос о том, что это за мир – *мой мир*? Отражает ли он бытие, соотносится ли каким-то образом с миром внешним, глобальным, может ли обладать пространственно-временными характеристиками и, если может, то какими?

Попытаться ответить на эти вопросы нам помогут тексты Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [3] с фиксацией сочетания *мой мир*.

Прежде всего отметим, что даже автономная характеристика *мой*, указывающая на принадлежность мира говорящему лицу, может быть рассмотрена как косвенно хронотопная: *мой мир* есть тот, который мне близок не только в моральном, но и в пространственно-временном отношении. Например:

*Ну давайте рассуждать примитивно: жизнь наших друзей и добрых знакомых интересна нам (мне) куда больше, чем жизнь людей, **отделенных от меня временем, расстоянием или чуждостью**. Это – мой мир* [Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)].

Вместе с тем, под *моим миром* подразумевается мир, в котором я нахожусь и который одновременно является частью меня. Не случайно данный словесный комплекс регулярно распространяется за счёт прилагательного *внутренний* (36 из 94 фиксаций с атрибутивами).

Анализ корпусного материала показал, что в контекстах, содержащих сочетание *мой мир*, зачастую происходит актуализация значений времени и пространства. При этом носители языка (вероятно, сами о том не подозревая) используют различные средства.

Роль одного из них принадлежит атрибутивным распространителям. *Мой мир* определяется как *маленький* и *огромный*, *прежний* и *теперешний*, *просторный* и *замкнутый* и др. Однако названные прилагательные едва ли конкретизируют денотат. Специфика предмета речи угадывается только в широком контексте:

Это был мой маленький мир – школа, уроки, пионерские обязанности, книги и моя комната – крошечный мирок, где обогревала меня, как уютная русская печь, моя няня [С. Аллилуева. Двадцать писем другу (1963)];

Да вот еще эти вертикальные черточки в углах рта, что всегда сообщали его лицу выражение детского дружелюбия, вечной готовности растянуть губы в улыбке: я люблю тебя, мой огромный добрый мир... [Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)].

Пространственная характеристика выражается также при помощи глагольных распространителей. Возможно косвенное определение объёмов *моего мира*. В таких корпусных иллюстрациях говорится о внешнем мире субъекта речи или о его внутреннем мире:

*Эта же зима **сжимает, уменьшает мой мир**, заставляя меня большую часть дня проводить дома, в тепле* [А. Курков. Милый друг, товарищ покойника (2001)];

*Ее страницы **не в состоянии вместить мой мир*** [А. Тарасов. Миллионер (2004)].

На параметричность исследуемого понятия указывают и глаголы направленного движения (*прийти, войти, уехать, убежать, вламываться, вторгаться*). Обычно они функционируют в контекстах, передающих изменение морального состояния говорящего:

*Вот так грубо и бесцеремонно все **вламываются в мой внутренний мир*** [А. Белянин. Свирепый ландграф (1999)];

*Когда я уже отчаялся, **в мой мир пришла** Лена* [Певец Николай Трубоч: «Я живу в раю» (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.08.15].

В двух последних корпусных реализациях местоименно-посессивный комплекс занимает позицию обстоятельства места, ввиду чего становится синтаксическим средством выражения хронотопного значения. Границы *моего мира* в подобных контекстах размыты:

Теперь я живу в безграничной любви и радости! Все хорошо в моем мире! [И. Лисовская. Никогда я не буду любить... (2003)]

Наиболее чёткое определение денотата наблюдается в случае нахождения сочетания *мой мир* в позиции сказуемого:

Твое сердце мне будет родина, твои объятия – родные, твои речи – подруги мои; ты будешь свет мой, мир мой... [А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда» (1833)];

Несколько травинок, муравей, ползущий с одной из них вниз головою, какие-то кусочки сора от прошлогодней травы – вот весь мой мир [В. Гаршин. Четыре дня (1877)].

Стоит снова обратить внимание на чередование отвлечённого и конкретного значений: *моим миром* метафорично называется либо значимый для говорящего человек (проанализированы единичные фиксации об отце и учителе, а также несколько фиксаций о возлюбленной или возлюбленном), либо реальные условия жизни субъекта речи.

Многие контексты содержат существительные с ярко выраженной пространственной семой (*центр, вход, углы, стены, границы*):

Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира [В. Набоков. Другие берега (1954)];

Здесь мне открывался вход в мой тайный, задушевный мир, где я вела беседу с моим прошлым, перебирая, как сундук, свои сокровища, одно за другим мои воспоминания [Ю. Жадовская. В стороне от большого света (1857)].

Довольно часто корпусные реализации отражают неразрывность значений времени и пространства. Данная связь обусловлена онтологически. Представление о прошлом, настоящем или будущем формируется только за счёт их реальной или гипотетической событийной наполненности, которая невозможна вне пространственных параметров. И наоборот: любое событие возможно лишь при наличии промежутка времени для его разворачивания. Ёмко замечание исследовательницы Ю. Г. Хаёровой о том, что «*настоящее – это не только “сейчас”, но и “здесь”*» [4, с. 228].

Вышеописанная взаимосвязь значений чётко прослеживается в контекстах, отражающих динамику *моего мира*. Нередко в таких случаях речь идёт о наполнении / заполнении *моего мира*, о вхождении в него тех или иных понятий и предметов; актуализируется метафорическая модель «*мой мир – сосуд*»:

С последнего моего письма к тебе, друг Александр, много ушло воды в моем жизненном потоке; много произошло перемен и во внутреннем моем мире и во внешнем, меня окружающем [О. Сомов. Роман в двух письмах (1830)];

Но я все-таки жалею, что гимназия, город, литература отвлекли меня от природы, которая в ранние детские годы, особенно в летнее время, заполняла мой мир целиком [М. Осоргин. Времена (1942)].

Словарное определение значения времени крайне широко: «*В содержание общего понятия В. [времени] входят аспекты, отображаемые более специальными понятиями: одновременности, временной последовательности, длительности, а также идея направленности, включающая в себя представление о прошлом, настоящем и будущем*» [5]. И ведь действительно: о присутствии временной категории свидетельствует любая динамика:

Когда наконец в моем мире перестанут существовать такие понятия, как «мороз», «снег», «грязь», «дубленка»? [В. Спектр. Face Control (2002)]

В таком случае возможно допустить, что в каждом предложении подразумеваются хронотопные значения, ведь представление даже самой абсурдной действительности вне категорий времени и пространства человеку объективно недоступно.

Всё вышесказанное приводит к выводу, что сочетание *мой мир* называет частное, но не автономное бытие. Определение его специфики чаще всего возможно только в широком контексте либо невозможно в принципе.

Корпусные иллюстрации показывают, что *мой мир* осознаётся носителями языка таким же пространственным, временным и изменчивым, каким осознаётся мир вообще. По всей видимости, взаимосвязь внешнего и внутреннего человеческих миров изначально. *«Вспомним, что само наше искание абсолютного первоначала, первоосновы или первоисточника всего бытия было определено непосредственной противоположностью между “моим внутренним миром” как непосредственным самобытием и “миром внешним” как предметным бытием; и это начало открылось нам как исконное, глубочайшее первоединство этих двух “миров”, столь противоположных и разнородных в их непосредственном, ближайшем для нашего взора обнаружении»,* – пишет С. Л. Франк [6, с. 203].

Организуется ли внутреннее бытие по модели внешнего или наоборот? А может быть, не организуется, а только осмысливается? Эти вопросы кажутся крайне интересными, но *выходят за рамки* нашей компетенции.

В заключение хочется предположить, что, независимо от того, называет ли он объект реальной или ирреальной действительности, *мир* в любой языковой интерпретации сохраняет свои базовые онтологические характеристики. Вероятно, попытка подтверждения данной гипотезы ляжет в основу наших дальнейших исследований.

Литература

1 Грицанов, А. А. Пространство / А. А. Грицанов // Новейший философский словарь (1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/281/ПРОСТРАНСТВО. – Дата доступа: 10.05.2019.

2 Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.

3 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 30.04.2019.

4 Хаёрова, Ю. Г. Жизненное пространство и время как форма самособирания человека / Ю. Г. Хаёрова // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – № 5. – С. 224–232.

5 Время / Философия: Энциклопедический словарь; под ред. А. А. Ивина (2004) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/224/ВРЕМЯ. – Дата доступа: 11.05.2019.

6 Франк, С. Л. Непостижимое: онтологическое введение в философию религии / Семен Франк. – М.: АСТ: Хранитель, 2007. – 512 с.

УДК 821.161.3-3*Ю. Станкевіч

А. С. Кавалёў

АДМЕТНАСЦІ ЎВАСАБЛЕННЯ ЭКЗІСТЭНЦЫЙНЫХ СТРАХаЎ У АПАВЯДАННІ Ю. СТАНКЕВІЧА «МІЛЬЯРД УДАРАЎ»

Артыкул прысвечаны адметнасцям увасаблення экзистэнцыйных страхаў у малой прозе сучаснага беларускага празаіка Юры Станкевіча. У аснову канцэпцыі пакладзены мадыфікацыі страху ў адпаведнасці з класіфікацыяй, прапанаванай Ю. Шчарбатых. На